

Отвѣтъ анонимному автору замѣтки: «По поводу статьи священника Раева». На страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за минувшій 1906 годъ (№ 20-й) нѣкій г-нъ Глаголь льетъ слезы

по поводу крушенія стараго, кастоваго строя духовенства. Дѣти духовенства, какъ картинно выражается онъ, бѣгутъ на сторону, въ чужой огородъ, а на мѣсто ихъ десятками пролѣзаютъ на должность псаломщиковъ лица изъ чиновниковъ, мѣщанъ, крестьянъ и солдатъ. Вспомянута имъ добрымъ словомъ и архаическая древность: передача приходовъ въ приданое за невѣстами духовнаго званія.

Что-же? Пролить гражданскую слезу при видѣ нарушенія обычнаго порядка въ жизни духовенства — никому не возбранно.

Но скорбя и огорчаясь по поводу бѣгства по чужимъ огородамъ дѣтей духовенства, г-нъ Глаголь въ то же время не очень лестно описываетъ духовное юношество; не прикрываетъ даже фиговымъ листочкомъ практическую неприспособленность къ жизни дѣтей духовенства. Наши сыновья, пишетъ онъ, плохо умѣютъ, а то и вовсе не способны ни пахать, ни боронить, ни косить, дочери—ни жать, ни ткать, ни прясть.

Что-же тогда умѣютъ они г-нъ Глаголь, если Вы и про бывшихъ учениковъ духовныхъ училищъ пишете, что они и рады-бы бѣжать на сторону изъ своей огады, да некуда, образованія мало... Волей-неволей они согласны занять должность псаломщика (должно быть такъ и пишутъ въ прошеніяхъ: занять—де должность псаломщика согласенъ), но и сюда ихъ не принимаютъ. Спрашиваютъ ихъ на экзаменѣ довольно строго, по программѣ, которую они въ большинствѣ случаевъ не выдерживаютъ.... Кто тутъ виноватъ!

Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣется только одинъ. Виноваты Вы сами г-нъ Глаголь и Ваши единомышленники. Вѣками Вы сидѣли въ своей огадѣ. Преемственно изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ и прадедовъ вся ваша жизнь протекала по разъ искони утвержденному и заведенному порядку. Сынъ замѣщаль мѣсто отца, за отсутствіемъ сына мѣсто передавалось зятю. Дѣти ваши растутъ, какъ и сами вы выросли, въ атмосферѣ ничегонедѣланія, на сытыхъ отцовскихъ хлѣбахъ, зная, что впереди имѣется надежный кусокъ хлѣба, держись—де только крѣпко за уголь церковный.... Но вѣка прошли мимо, внутри „огады“ остается все по прежнему: тихо, мирно, сытно, покойно. Внѣ ея смѣнилось многое, чего сидящіе въ огадѣ проглядѣли. Прежде всего преемственность занятій и званій сошла на нѣтъ. Вчерашній крестьянинъ или мѣщанинъ—сегодня докторъ, судья, чиновникъ. Принципы свободы

выбора занятій вошелъ въ жизнь и крѣпко осѣлъ въ умахъ у внѣшнихъ. Кастовые родовые понятія для нихъ потеряли всякую цѣну. Дѣти чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ стали искать новыхъ путей. Вся сумма вѣкового опыта ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ привела ихъ къ положенію, что не только свѣта въ окнѣ, что у купцовъ: аршинъ, вѣсы и прилавокъ, у крестьянъ: соха, борона, веретено и прялка и гемморой и непроглядная бѣдность у чиновниковъ. Они сознали, что свѣтъ Божій великъ, лишь были-бы руки да голова съ мозгомъ, что можно смѣло идти на широкій вольный путь.

Энергія и трудъ все перетрутъ, говоритъ пословица.

И изъ грязной избы мужика хлѣбороба, изъ портняжной мастерской ремесленника, изъ чахлой, сырой и убогой городской квартиры труженика и чиновника, на вольный просторъ, на новый трудъ и путь потянулась молодая поросль.... И выйдя на свѣтъ Божій, обогрѣтая солнцемъ, жадно принялась она за новую землю, зазеленѣла и окрѣпла въ борьбѣ за пищу, за мѣсто, за воздухъ.

Только внутри ограды осталось по прежнему. Развѣ только молодые и энергичные особи, иногда подъ вліяніемъ освѣжающей атмосферы, царящей въ учебныхъ заведеніяхъ (высшихъ), стремятся на новый путь — „проторенныя, знакомыя дороги, легкія и безопасныя“ не милы имъ, именно потому, что они проторенныя и знакомыя... Идти по нимъ, не имѣя на это призванія, повторять день за день, идти шагъ за шагомъ по стопамъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, для этихъ юношей, почуввавшихъ въ сердцѣ своемъ призывы къ инымъ цѣлямъ, къ иной дѣятельности, равносильно самоубійству...

Но вѣдь это исключеніе, 5—10% всего живущаго въ оградѣ. А остальные? они съ успѣхомъ еще и до сего дня идутъ по своему пути. Мѣсть для нихъ много, только вотъ та бѣда, что въ борьбѣ за жизнь, живое инословное начало, выросшее въ чужомъ огородѣ, почему то оказывается болѣе дѣятельнымъ, болѣе жизнеспособнымъ.

Дѣти родового духовенства и особенно почему-то лицъ болѣе высшаго порядка въ церковной іерархіи за послѣднее время почему то являются мало приспособленными къ наукѣ и въ большинствѣ часто оставляютъ школу не доучившись, заставляя обливаться кровью сердце многихъ достойнѣйшихъ о.о. іереевъ.

Откуда берется у этихъ юношей ихъ лѣность къ наукамъ, проти

водѣйствию воспитательнымъ приѣмамъ учебныхъ заведеній, пьянство, дебоши и пр., за что въ большинствѣ изгоняются они изъ семинаріи и училищъ...

Вѣдь не со стороны-же вошло это въ плоть и кровь ихъ.

Не вѣковое ли сидѣніе и прозябаніе внутри ограды, вдали отъ жизни, на сытыхъ теплыхъ обеспеченныхъ мѣстахъ; служеніе церкви не ради призванія, не ради подвиговъ на многотрудномъ пастырскомъ дѣланіи, не ради Іисуса, а ради хлѣба куска деморализирующе дѣйствуетъ на молодые сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, съ ранняго дѣтства, живя въ холѣ и долѣ, не зная, что есть на свѣтѣ нужда, холодъ и голодъ, не приспособляясь нисколько къ окружающей жизни, зная что и въ дальнѣйшемъ онъ безбѣдно просуществуетъ на средства отца, или надѣясь на силу и власть родительскую, юноша начинаетъ манкировать своими занятіями, тѣми или иными путями доводитъ себя до увольненія изъ учебнаго заведенія.

Словомъ, такъ или иначе, а фактъ, что въ большинствѣ лучшими учениками духовныхъ учебныхъ заведеній состоятъ или дѣти низшаго духовенства или иносословные говоритъ за то, что въ „оградѣ“ не все благополучно.

Что присные Ваши г-нъ Глаголь сидятъ на шеѣ у Васъ и не могутъ поступить въ свое вѣдомство, хотя по Вашимъ словамъ имѣютъ права, плохо вѣрится: сидѣть на шеѣ могутъ да и сидятъ, какъ извѣстно автору, по собственному опыту, лишь дѣти нигдѣ не учившіяся, или учившіяся, да безъ правъ и аттестатовъ выброшенные за бортъ „казеннаго“ учебнаго заведенія „по малоуспѣшности“.

О сидящихъ же на выѣ родительской, съ правами, аттестатами и свидѣтельствами, сколько на свѣтѣ живу, пока не слыхалъ. Если вѣрить Вамъ, то сидятъ только ради указанной Вами причины: „мѣстовъ нѣтъ, ихъ занимаютъ лица изъ иныхъ сословій, а если и есть, то мѣста не обеспеченныя, не подходящія“.

Вотъ гдѣ зарыта собака, какъ говоритъ одна немѣцкая пословица. Мѣстовъ нѣтъ—обеспеченныхъ подходящихъ для сидящихъ и обременяющихъ Вашу шею правами, аттестатами и свидѣтельствами, мѣста эти перехватили у нихъ лица изъ иныхъ сословій, которымъ Вы, господинъ Глаголь, и приѣмете дерзость преподавать подходящій совѣтъ: „подобные господа должны уступить дорогу нашимъ дѣтямъ“...

Представьте себѣ, г-нъ Глаголь, что мы, „пролѣзшіе“ раньше (авторъ сынъ мѣщанина) и „пролѣзающіе“, до сего дня, дорогу Вашимъ дѣтямъ не уступимъ. Не уступимъ потому, что мы-дѣти народа изъ инословныхъ, изъ сидѣльцевъ питейныхъ заведеній, съ маслостоловыхъ заводовъ, дѣти прасоловъ (какъ вы, г-нъ Глаголь, любезно отыскали и повѣдали міру нашу генеалогію). Служимъ Богу, а не мѣсту обезпеченному и подходящему, которому желаютъ служить ваши дѣти „съ правами по рожденію“.

Вы сдѣлали большую ошибку, г-нъ Глаголь, открывъ сразу свои карты, обнаживъ такъ тщательно скрываемое старымъ кастовымъ духовенствомъ разложеніе въ своей средѣ.

Чему и кому будутъ служить ваши дѣти, — Богу-ли, или тѣмъ тысячамъ рублей, что даетъ „подходящее“ для нихъ „обезпеченное“ мѣсто? Вѣдь это страшно, съ дней юности убить въ себѣ вѣру въ Бога, братья за плугъ на нивѣ Господней, не ради дѣланія на ней Божьяго дѣла, а ради денегъ...

Вѣдь это не честно, это матеріализмъ худшій изъ свѣхъ... Это насмѣшка надъ святыней.

Вы, г-нъ Глаголь, подмѣтивши и искусно обрисовавши самыя худшія черты въ обыденной жизни низшихъ членовъ духовенства изъ инословныхъ, просмотрѣли сами въ своей средѣ, что Вы давно уже живете чисто практическою, полною простыхъ житейскихъ расчетовъ жизнію.

Загляните ка въ свое прошлое и частію настоящее, и Вы увидите, что Вы ни во что ставите переимѣнить пять-десять приходовъ, выискивая обезпеченное мѣсто.

Что вамъ за дѣло до нивы Господней, до этихъ сѣрыхъ, грязныхъ бѣдняковъ землеробовъ, лишь были бы вы обезпечены. Что вамъ за дѣло, если послѣ васъ „пролазу“, сыну прасола или сидѣльца винной лавки достанется приходъ съ населеніемъ, не знающимъ не только молитвъ и не имѣющимъ понятія о тріединомъ Богѣ, но заказывающемъ молебны „Троицѣ“, „Богородицѣ“, „матушкѣ девятой пятницѣ“... Что вамъ за дѣло, если „пролазъ“ горькими слезами оболется въ первый-же день своего служенія.

Нѣтъ, мы не дадимъ вамъ и вашимъ дѣтямъ свои мѣста. Мы съ дней отрочества шли и готовились на службу Богу, а не мамонѣ.

Вѣдь это мы, по своей волѣ, по своей инициативѣ во время дѣтства своего поемъ и читаемъ на клиросѣ. Въ раннюю зимнюю пору, когда спать ваши дѣти на мягкихъ постеляхъ, это мы бѣжимъ къ заутренѣ, въ дырявыхъ пикишкахъ по морозу, за 2—3 версты въ храмъ Божій. Это наши голоса звенятъ на клиросѣ тогда, когда ваши дѣти съ презрѣніемъ смотрятъ на наши заплаты.

Церковному уставу мы учимся на практикѣ и въ большинствѣ знаемъ его больше, чѣмъ ваши дѣти съ правами. Мы съ первыхъ дней своего легальнаго служенія въ чинѣ чтеца служимъ Богу со страхомъ и трепетомъ.

Тяжелымъ крестнымъ путемъ мы проходимъ свое служеніе Богу. Вы помните, навѣрное, г-нъ Глаголь, одинъ разсказъ покойнаго писателя Н. Лѣскова, гдѣ одна матушка говоритъ: „Какая это церковь Божья — вѣдь она наша съ батюшкой“. Такъ вотъ въ этой-то батюшкиной и матушкиной церкви мы пришельцы и служили и служимъ, ежеминутно ожидая, что насъ возьмутъ да за хвостъ и на морозъ изъ батюшкиной то церкви и выставятъ...

Много обидъ, горькихъ незаслуженныхъ, терпѣли мы, но, не взирая ни на что, смотрѣли съ вѣрой и надеждой впередъ.

И, если достигнувъ такимъ тяжелымъ скорбнымъ путемъ высокой степени священства, мы сохранили въ себѣ душу живу, не растрясали по торчкамъ и ухабамъ длинной житейской дороги вѣру въ Бога, не растратили въ борьбѣ силы и энергію для дѣланія на нивѣ Христовой, то ясно, что своихъ мѣстъ мы не уступимъ...

Время то теперь такое горячее. Жизнь разбудила сонное царство деревни. Мысли народа проснулись... Сѣять только надо щедрой рукой слово Божіе, живое, дѣйственное, сѣять чистымъ отборнымъ зерномъ и искусной рукой вырывать плевелы, съ избыткомъ заносимые извнѣ, а вы, г-нъ Глаголь, ничего не видите. Все еще живете въ старыхъ, условныхъ, кастовыхъ понятіяхъ. Неужели вы уже забыли что „въ церкви Божіей нѣсть еллинъ, ни іудей, ни варваръ, ни скиѣвъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ?“ Неужели не чувствуете и не видите, что пока вы выскиваете „обезпеченныя подходящія“ мѣста, Господь отдастъ виноградъ Свой инымъ дѣлателямъ.

Можете-ли вы остановить и снова усыпить начинающее просыпаться народное самосознаніе, требующее отъ пастыря пастырства въ

истинномъ значеніи этого слова со всею тяготою лежащихъ на немъ завѣтовъ Христа. Или, можетъ быть, служа въ „своей“ церкви, вы не слышите голоса народнаго. Да вѣдь это возможно, что голосъ народный до Васъ не доходитъ. Разныя точки зрѣнія,—я напримѣръ смотрю на мужика, какъ на личность одаренную душою и сердцемъ, страдающую и обремененную, а вы, можетъ, смотрите на его правоспособность въ матеріальномъ отношеніи. Вѣдь, какъ аукнется, такъ и откликнется. На запросы духа—духъ отзовется, а запросы матеріальные откликъ получится тоже матеріальный.

Вотъ вы, г-нъ Глаголь, даже нисколько не присмотрѣлись къ жизни, что не знаете, что крестьянинъ нынѣ говоритъ уже: „Дай Богъ вспоить, вскормить и за книжку посадить“. Что—будетъ, если книжка-то впрорѣхъ пойдетъ, тогда и „мѣстовъ“—то еще меньше будетъ. Спѣшите-же, пока не поздно, ослабить свою шею, и въ то же время не клеветайте на нашихъ отцовъ, что они не несутъ и не несли бремени, тягла по вашему, по духовному вѣдомству.

А чьи-же это деньги вы сотнями ежегодно передаете о.о. благочиннымъ на содержаніе духовныхъ учебныхъ заведеній? Не наши ли отцы изъ лавокъ, питейныхъ, мастерскихъ, сносятъ ихъ въ храмъ Божій, не ихъ ли это свѣчки яркими звѣздочками теплятся у подножія св. иконъ? Не изъ этихъ ли грязныхъ и потныхъ пятаковъ и трешниковъ собираются тѣ сотни тысячъ рублей, что тратятся ежегодно на воспитаніе духовныхъ юношей, подъ часъ неблагодарныхъ, какъ напр. вы, г-нъ Глаголь?

А тѣ, кому вы предлагаете очистить мѣста, развѣ не несутъ лично тяготы? Я 25 лѣтъ на службѣ и можетъ быть въ то время, когда вы, г-нъ Глаголь, пользовались удобствами казеннаго воспитанія, какъ „право имѣющій“, я висилъ свои гроши за васъ; хотя самъ, какъ сынъ мѣщанинъ, „не имѣющій правъ“, бѣгалъ съ горы въ سرماженкѣ и сапогахъ въ трескучіе морозы во время своего ученія.

Но подъ часъ вы великолѣпны, г-нъ Глаголь, въ своемъ самообличеніи. Вы напр. пишете: „не нормальны стали и отношенія наши къ интересамъ церкви и обще-приходскимъ, хотя бы вотъ къ устройству хоровъ, причетническихъ классовъ. Дѣло идетъ вяло, не дружно. А все почему? Да что грѣха таить—все потому, что таже сословная рознь насъ разъединяетъ, что многимъ не по душѣ служить

знаніемъ и средствами на пользу чуждаго элемента, когда свои присные сидятъ на шеѣ“.

Да, дѣйствительно, ваша истинная правда, г-нъ Глаголь: мало нормального въ вашихъ отношеніяхъ къ интересамъ церкви. Дѣло у васъ идетъ ужъ слишкомъ вяло, не дружно, и мы инословные, поступая на службу по духовному вѣдомству, собственнымъ опытомъ убѣждаемся въ правотѣ вашихъ словъ.

Положимъ, что съ наружной, бюрократической стороны, вы даже слишкомъ усердны и исправны. Нѣтъ только у в сѣ живаго Христова дѣла. Нѣтъ исполненія идеала Пастырства, предназначающаго Самимъ Пастыреначальникомъ и Господомъ до положенія своей души за овцы своя. Словомъ, нѣтъ того, что составляетъ душу живу...

Неужели это мы инословные виной тому, что духъ вашъ угасъ, и что вы „теплы только, но негорячи“? Неужели мы, инословные въ маломъ числѣ, внесли рознь въ ваше большинство и разъединили васъ, правами родовыми обладающихъ? Не вѣрится.

Зачѣмъ-же вамъ „таить грѣхъ,“ когда вы и такъ всенародно исповѣдали свою приверженность къ фарисейству временъ Іисуса Христа, если для заключительныхъ строкъ своей статьи вы взяли фарисейскій принципъ: „жидове самарянамъ не прикасаются“.

Въ церкви Христовой всѣ равны, во всѣхъ Христосъ. Тотъ-же Христосъ и таже апостольская преемственная благодать поставляетъ всѣхъ насъ—и родовыхъ—преемственныхъ духовнаго званія и инословныхъ отъ прилавка, сохи и верстака и объединяетъ на одномъ великомъ дѣлѣ служенія св. Церкви.

И вы, г-нъ Глаголь, если носите іерейскій санъ, не предстоите ли одному дѣлу съ тѣми, кому вы намѣренно причиняете боль и кого вы заставляете краснѣть отъ стыда за вашу статью, за брошенный вами камень въ братьевъ своихъ по духу и по дѣлу.

Должно быть есть еще въ тайникахъ вашей души стыдъ, что вы скрыли ими свое подъ псевдонимомъ...

Священникъ *Гавріилъ Панаевъ.*